

Young & Free

Часть первая

*М*еня зовут Блю. Это значит «синий». Но не синий цвет любимой юбки, не бирюзовый, как драгоценные камни, не чернично-синий или не синий, как лак для ногтей. Нет. Блю — это синий цвет горьких слез, синий, как недосыгаемая птица счастья. Синий, как ветер, как океан, как радуга. Темно-синий цвет неба, затянутого грозowymi облаками. Именно этот цвет подарил мне имя. Итак, я — Блю.

Мое второе имя — Вэнити. То есть Тщеславие. Мои родители выбрали его для меня, потому что считают, что нами всеми руководит одно тщеславие. Не будь его — мы бы жили в постоянном страхе и отчаянии по отношению к окружающим и еще больше — к самим себе. Не будь тщеславия, люди бы прятались в своих четырех стенах, не решаясь даже в зеркало посмотреть. Мама с папой говорят, что тщеславие — вещь не всегда только хорошая, но оно манит и привлекает. Это нечто, что может обогатить ум

Соломоника де Винтер

человека, опьянить его душу, заставить его сгорать от желания, стремления к совершенству.

Но когда я смотрю в зеркало, я вижу лицо без всякого выражения. Бледную кожу и невидящие глаза. Длинные волосы, растущие прямо из черепа. Я не тщеславна. И мне плевать.

Вы спрашиваете, когда я решила убить этого человека. Я точно знаю, когда приняла это решение. Вы спрашиваете, почему я решила убить его. И это я тоже прекрасно знаю. Вы спрашиваете, когда я перестала говорить. На то свои причины, доктор. Вы спрашиваете, почему. Я объясню позже. Я объясню все. Хотя не могу позволить себе быть хаотичной. Нужно начать с самого начала.

Итак, позвольте мне рассказать вам кое-что. Позвольте мне рассказать вам историю тринадцатилетней девочки, которая застрелила взрослого мужчину. Ах да, и женщину.

1

Я закрыла уши ладонями, потому что тишина, царящая во мчащемся на полной скорости автобусе, стала невыносимой. Дейзи обернулась и уставилась на меня. Стала разглядывать мои ладони, которыми я закрыла уши. Я перевела взгляд на грязный пол. Слишком много людей

За радугой

по нему прошли. Слишком много запахов сразу же ворвалось в мои ноздри, слишком много запахов слишком многих людей. Слишком много мечущихся душ сидело на сиденье, где теперь сидела я.

— Прекрати, — быстро пробормотала Дейзи, а затем снова повернулась к окну. Я убрала ладони. Когда автобус остановился, от пронзительного визга тормозов у меня побежали мурашки по коже. Двери открылись. Я крепко сжала книгу, лежащую на коленях. Темнокожий мужчина в шляпе и костюме уставился на меня. Я посмотрела на него. Его темные глаза казались туннелями в ночь, и я задумалась, куда они могут вести. Он нахмурился, а затем закрылся газетой, которую держал в руках. Но я все равно смотрела на него не отрываясь, до тех пор пока спустя час Дейзи не сказала, что пора выходить. Я взяла чемодан и спустилась по ступенькам из автобуса. На противоположной стороне улицы виднелся переполненный мусорный бак. Наверное, мусор не вывозили уже не первую неделю. Вокруг все было жутко серым. Между похожими друг на друга серыми блочными домами, стоявшими сплошной стеной, выделялось единственное высотное здание. Судя по всему, когда-то стены его были выкрашены в розовый цвет, хотя сейчас оно скорее было цвета мертвой плоти. В его выбитых окнах виднелись обрывки

занавесок, которые трепыхались на сильном ветру. Завороженная этим видом, я застыла посреди тротуара. Представила, как в одном из окон показался незнакомец и помахал мне рукой. Никогда не могла устоять перед заброшенным зданием.

— Блю, давай ты поковыряешься в себе потом, а? — подбежав ко мне и схватив за руку, сказала Дейзи. Она быстрым шагом пошла по тротуару, не отпуская меня, поэтому мне пришлось бежать, чтобы успевать за ней. Ее мертвая хватка жгла запястье. Ненавижу, когда ко мне прикасаются. Просто когда кто-то трогает меня, мне кажется, что душа этого человека проникает в мое тело сквозь поры, просачивается в кровеносные сосуды и так далее. А я терпеть не могу чувствовать души других людей; ненавижу — у меня своя душа есть.

— Да сколько же можно, Блю! Я уже тебя тысячу раз звала! Опять не успели дорогу перейти! Я устала повсюду таскать эти чемоданы сама. Вот доберемся до отеля — и делай тогда, что хочешь!

У Дейзи свалывшиеся жидкие волосы, она их редко моет. Впалые щеки, большие яркие глаза. Она выглядит по меньшей мере лет на десять старше своего возраста и совершенно не похожа на меня. Мои волосы длинные и черные. Я, как ворон, могу сразу окинуть и просканировать

За радугой

взглядом место, в котором оказываюсь. Я — ее дочь, которой Дейзи хотела бы, чтобы у нее не было. Я как засохшая болячка на ее коже, которая заживет, только если она перестанет каждый раз ее расцарапывать.

У меня была мама, книги, и в глубине души я думала, что все в этом мире хорошо. Я пыталась цепляться за эту идею — да, мир прекрасен, Блю, мир прекрасен. Но сложно цепляться за надежду, когда она так часто поворачивалась к тебе спиной.

Мы прошли по улице. Показались еще несколько заброшенных домов. С того момента, как мы (последний раз) уехали из этого места, их стало больше. Но рассмотреть их как следует у меня не вышло, потому что Дейзи шла слишком быстро и по-прежнему крепко держала меня за руку. Я узнала несколько магазинов, заметила знакомые скамейки, и деревья, и фонари. Потому что я могу видеть все. Но никому об этом не рассказываю. Это мой секрет. Но вы ведь мой доктор, а значит, как я понимаю, мне нужно вам доверить все свои секреты. Хотя нет, всех своих тайн я вам открывать не собираюсь. Но скажу достаточно, чтобы заставить задуматься.

Например, что я могу видеть в темноте и с закрытыми глазами. Я могу видеть все насквозь. Людей, предметы, небо. Я вижу человека насквозь через его взгляд, знаю, о чем он ду-

мает. Я знаю Бога. Я видела Его. Я знаю Сатану. Я и его тоже видела. И пила с ними чай. И нет, я не сумасшедшая. Нет. У меня есть доказательства. Сатана, например, поинтересовался, пью ли я чай с сахаром, и мне нет смысла об этом лгать. Да и зачем? А вот Бог не предложил мне ни сахара, ни молока. Просто протянул чашку, и все.

Когда мы подошли к мотелю, Дейзи наконец отпустила мою руку. Нас приветствовала огромная вывеска с надписью: «ОТЕЛЬ ПАЛАС». Мне пришлось идти первой, как обычно. Дейзи боялась, что если бы вошла передо мной, я бы сбежала.

Ковровое покрытие под ногами было песочного цвета. Толстый мужчина за темно-коричневой стойкой даже не поднял головы, не заметив нас. Только когда мы подошли к стойке, он медленно выпрямился. Я сразу знала, что он не хочет разговаривать. Я видела.

— Макгрегор. Я вам звонила, — объявила Дейзи.

Мужчина почесал подбородок:

— На кого бронировали?

— Макгрегор.

Мужчина быстро проверил список, а затем еле заметно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — С вас двести пятьдесят долларов.

За радугой

— Странно, по телефону вы говорили, двести.

— А вы сказали, что вам нужен номер с собственной ванной. Так это еще пятьдесят.

— Платить сразу? — поморщилась Дейзи.

— Да. Только наличными. Политика отеля. Новые правила.

— Ага, и кормежку за неделю тоже включите в счет, — пробормотала Дейзи, покопавшись в сумке и достав оттуда пачку банкнот. Она протянула деньги мужчине, и тот сложил их стопкой в кассовый аппарат. Потом снял с доски ключ от номера и протянул Дейзи.

— Номер двадцать восемь. Вверх по лестнице, до конца коридора. Правила такие. Ничего не ломать. Не прятать трупы за занавесками. Если поняли, что что-то сломалось, тут же зовите меня. Все усвоили? — пробормотал он.

Я посмотрела на Дейзи. По ее глазам я видела, что она не знает, как реагировать, так что она только буркнула «хорошо» и схватила чемоданы, решив поскорее сбежать в номер, пока этот бесцеремонный кретин не придумал еще что-нибудь обидное. Я последовала за ней. Низкие стены давили на меня, а яркий свет свисавших с потолка светильников нещадно жег глаза.

У двери Дейзи поставила чемоданы на пол. Она вставила ключ в замок и повернула.

Соломоника де Винтер

Я вошла, а следом за мной она. И здесь ковер тоже был песочного цвета. А стены — белыми. У стены стояла крохотная кушетка. Я поставила чемодан на пол и медленно оглядела незнакомую молчаливую комнату. Ванна была розовой, и мне это очень понравилось, а еще квадратное зеркало с яркими лампочками вокруг, как будто в будуаре из пятидесятых. И за занавеской душа не было никакого трупa. Я прошла через всю комнату, к окну, и выглянула на улицу.

Потом отошла к дивану, села и уставилась в никуда. Обняла книгу, которая прильнула к моей груди, словно котенок. Моя книга.

Я знаю, вы считаете, что я была зациклена, доктор. Я знаю, что вы все думаете, я была одержима этой книгой. Только вы ошибаетесь. Это не просто книга, не просто история, не просто нечто, что было написано просто так. И даже не смейте со мной спорить. Иначе я и вас убью. Всех вас. Моя книга — реальна, с реально существующими героями, настоящими деревьями и живыми цветами. Если достаточно крепко закрыть глаза, можно даже почувствовать их запах. Не помешалась я, понимаете? Если бы вы видели, какие люди живут в этом городе, — а я знаю, так как уж я-то вижу их всех насквозь, — вы бы знали,

За радугой

что помощь такого специалиста, как вы, доктор, требуется совсем не мне. Есть тут экземпляры куда более озлобленные и мерзкие, чем даже уличные крысы.

Мы провели остаток дня в комнате. Дейзи смотрела телевизор, а я сидела на диване, погруженная в мысли. Ноги мои свисали с дивана, словно две бледные оплывшие свечи. Дейзи пригнала пару стаканов сока со льдом — таких огромных, что маленькому ребенку их хватило бы на целую неделю. От красителя мой язык стал совсем синим. Я подошла к зеркалу и высунула его, чтобы рассмотреть хорошенько. И подумала — круче быть не может! Простояла так минут десять с высунутым языком, как собака. Наконец Дейзи это так надоело, что она запульнула в меня подушкой.

2

Когда мы проснулись утром, от простыней пахло какой-то мертвечиной. Солнечный свет проникал сквозь тонкие занавески, а в воздухе витал плохо выветренный запах дешевого курева. Не люблю жить в гостиницах. Ты все

время чувствуешь напряжение, потому что знаешь, что через день, пять дней, неделю тебе придется уехать отсюда. Ты понимаешь, что там, наверху, дни твоего пребывания в этом месте уже сочтены. Только одно в отелях хорошо — можно бегать по длинным коридорам и вести себя так, как будто ты богачей и у тебя есть шикарный особняк.

Мы с Дейзи потихоньку оделись. Насыпали в тарелки овсяные хлопья и стали есть всухомятку.

— Так, — сказала вдруг Дейзи, — пора на работу. Энтони устроил меня к себе в автосервис.

Она поставила на место коробку с хлопьями, надела туфли и встала.

Сначала вышла она, потом я. Дейзи заперла дверь. Мы прошли по коридору, спустились по лестнице, вышли из отеля. На улице Дейзи огляделась, а потом направилась по тротуару влево. Я медленно шла за ней и смотрела себе под ноги. Прищурившись, я увидела вместо своих ступней две черные точки, которые двигались вперед-назад, словно потревоженные жуки. Я заметила, что Дейзи стала идти медленнее, подождала, пока я ее нагоню, а потом ткнула в спину, чтобы я поторопилась.

— Пожалуйста, когда мы дойдем, — улыбайся. Будь вежлива. Постарайся не втюхивать всем свою книгу. И пожалуйста, старайся вести

За радугой

себя как следует. Они же не знают, что ты совсем сумасшедшая... Вот и не заострай, — сказала Дейзи.

Я мысленно спросила себя, когда она улыбалась в последний раз.

Детей нельзя дрессировать. Это не собаки, которые будут приносить палку по первому зову. Дети — как львята или тигрята, они рычат и кусаются. Пытаться приручить их — так глупо... Взять, к примеру, мою книгу. Если я захочу ее прочесть, то прочту. Вы ведь знаете, доктор, что у всех людей есть какая-то вещь, которой они очень дорожат? Женщины носят бриллианты, а мужчины кичатся дорогими костюмами и автомобилями. И они никому не позволяют дотронуться до этих своих сокровищ. Так и с моей книгой — если кто-то хоть слово из нее прочтет, я его пырну ножом. Тут же. Простите. Вообще-то я не хочу быть агрессивной. Обычно я очень добрая.

Мы свернули за угол, и вдруг перед нами выросло здание автосервиса. Оттуда доносился резкий запах бензина. Терпеть ненавижу, как пахнет